

МЕТОДОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

В.С. Автономов

д.э.н., член-корр. РАН, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», зав. сектором Института мировой экономики и международных отношений им. Примакова Российской академии наук, Москва

МЕТОДОЛОГИЯ «ОСНОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ» М.И. ТУГАН-БАРАНОВСКОГО В СОПОСТАВЛЕНИИ «ПРИНЦИПОВ» А. МАРШАЛЛА

Аннотация. Представлены результаты сопоставления методологических подходов, лежащих в основе двух классических экономических учебников: «Основ политической экономии» Туган-Барановского и «Принципов экономической науки» Маршалла. Сравнение классических учебников, относящихся к одной эпохе развития экономической науки (в данном случае речь идет об эпохе, следующей за маржиналистской революцией), позволяет раскрыть своеобразие национального стиля экономического теоретизирования в разных странах.

Ключевые слова: *теория ценности (стоимости), этика, модель человека, М. Туган-Барановский, А. Маршалл, И. Кант.*

Классификация JEL: B13, B31, B41, D46.

DOI: 10.24411/2587-7666-2019-10102.

Рассматриваемые нами произведения принадлежат к жанру «классических учебников». Такие учебники обычно подводят итоги важным переменам в экономической науке, систематизируют их и излагают в форме, доступной студентам университетов. Последнее важно: если новую теорию можно изложить относительно простым языком, значит, она достигла определенной степени зрелости и поддается систематизации. Такие курсы пишут не революционеры, бросившие вызов ортодоксии (такие, как Маркс или Дживонс), а более миролюбивые ученые, склонные к синтезу и преемственности. Классические учебники характеризуются большими тиражами и большим количеством изданий, что указывает на их авторитет и востребованность.

Нам представляется интересным сопоставить классические учебники разных стран, опубликованных примерно в один и тот же исторический период. Такое сравнение может позволить нам сопоставить не только самих авторов, но и страны, в которых эти учебники добились признания. Аналогичный интерес вызывает сопоставление литературной классики разных стран. Тот факт, что в Германии классическим литературным произведением является «Фауст» (оба тома!), а в России «Евгений Онегин», многое говорит нам не о Пушкине и Гете, а именно о Германии и России.

Мы решили сравнить два классических учебника периода, непосредственно следующего за маржиналистской революцией, включающих в себя теорию предельной полезно-

сти. «Принципы экономической науки» Маршалла, впервые изданные в 1890 году подвели итог маржиналистской революции и ее завоеваниям. Книга заменила в качестве классического учебника «Основы политической экономии» Дж.С. Милля и при жизни автора (до 1924 г.) выдержала 8 изданий. «Основы политической экономии» Тугана-Барановского (1909 г. издания) стали, по словам В.К. Дмитриева, первым в России систематическим курсом политической экономии, «преследовавшим чисто научные задачи». Книга получила первую премию на конкурсе учебников, проведенном Вольным экономическим обществом. При жизни автора (до 1919 г.) она издавалась 5 раз.

Оба автора имели ярко выраженную склонность к синтезу. Они пытались соединить более абстрактный и более конкретный каноны, индукцию и дедукцию, использовать различные теоретические направления и в каком-то смысле стали «завершителями» *Methodenstreit*'а.

Маршалл пытался синтезировать в своем труде маржинализм (вернее его предшественников в лице Курно, Тюнена, Дюпюи), классическую политическую экономию (Рикардо) и немецкую историческую школу. Интересно, что Туган-Барановский в своем учебнике упоминает «Принципы» Маршалла в рубрике «Критика теории предельной полезности», причем не как представителя критикуемых, а в качестве критика (!).

Туган-Барановский стремился объединить австрийскую школу маржинализма, классику (Рикардо и Маркса, но без некоторых важных составных частей Марксова учения, в первую очередь теории трудовой ценности) и – тоже историческую школу (стадии Бюхера, придание важной роли этике и статистике). Знаменательно посвящение книги Туган-Барановского Кенэ, Госсену и Марксу. Молиться одновременно этим троим богам ни до, ни после Туган-Барановского, пожалуй, никому не удавалось!

В этой работе мы ограничимся трактовкой Маршаллом и Туган-Барановским в своих учебниках методологических проблем. Начнем с того, что у Маршалла можно проследить разницу между эксплицитной и имплицитной методологией – первая, заявленная во введении и первых главах, ориентирует экономистов на практическое применение своих теорий, требует реализма в анализе человека и общества, вторая – скрыта в более аналитических главах, недостаточно четко отрефлексирована. Это, по нашему мнению, чисто английский национальный стиль теоретизирования: уважение к практике, боязнь излишнего философствования. С точки зрения типичного английского экономиста (Смита, Милля, Маршалла, Кейнса, но не Рикардо и Джевонса), мир в принципе устроен просто, и требуется лишь открыть людям глаза на его устройство.

Туган-Барановский, как и другие русские экономисты его времени, учился в основном у немецких учителей. Он с удовольствием обсуждает сложные методологические проблемы в духе Риккерта и других неокантианцев и пытается применить их решения в экономической теории. Это явно ближе всего к немецкому стилю экономического теоретизирования, согласно которому главное – это обсудить общую возможность экономического знания. Мир устроен невероятно сложно, и самое полезное, что может сделать ученый: подумать, с какой стороны к нему подступить.

Отметим, что у наших героев был общий кумир – Иммануил Кант. О глубоком почтении к Канту заявлял не только Туган-Барановский, у которого его влияние можно обнаружить в нескольких очевидных пунктах, но и Маршалл, у которого это влияние спрятано очень глубоко. Сравним: Маршалл: «Кант – мой наставник, это единственный человек, которого я когда-либо боготворил» [Маршалл, 2007. С. 15]. Маршалл выучил немецкий специально для того, чтобы читать Канта [Raffaelli, Beccatini, Dardi, 2006. P. 95]. Туган-Барановский: «Теперь я читаю Канта,... все перечитываю дважды... и передо мной как бы раскрывается новый мир» [Корейчук, 2008. С. 207].

Влияние Канта в то время ощущалось по двум направлениям: эпистемологическому и этическому.

Для Маршалла как представителя позитивной экономической науки эпистемологическое направление было главным. Наиболее важными для него были идеи Канта об априорных истинах и активности познающего субъекта, а также попытки Г. Спенсера найти золотую середину между априоризмом и радикальным эмпиризмом [Raffaelli, 2003. P. 13]. При этом экономическая наука, которой он непосредственно занимался, была для него лишь «служанкой этики» [Raffaelli, Beccatini, Dardi, 2006. P. 184]. Как писал ученик Маршалла, Дж.М. Кейнс: «Для Маршалла решение экономических проблем заключалось не в применении гедонистических вычислений, а служило *предварительным* условием для реализации высших способностей человека (Курсив мой – В.А.)» [Маршалл, 2007. С. 14]. Экономика для Маршалла не тождественна бентамовской «эвдемонике». Ее дело состоит в том, чтобы создать материальную основу для социального совершенствования, а не само социальное совершенство.

У Туган-Барановского этика выходит на первый план в самой экономической науке в нескольких аспектах. Во-первых, она придает политической экономии (и экономической политике) научный характер. Согласно Туган-Барановскому научной может быть только теория, движимая общечеловеческими интересами. Иначе политическая экономия была бы обречена на следование хозяйственным интересам разных классов, а по Тугану это уже не наука [Туган-Барановский, 1998. С. 21]. Во-вторых, этические соображения приобретают инструментальное значение в решении теоретической проблемы «стоимости». Трудовая теория стоимости (не путать с трудовой теорией ценности, речь идет об издержках) вытекает у Туган-Барановского из верховной ценности и равноценности человеческой личности. Именно поэтому затраты труда любого человека – это те издержки, которые должна учитывать экономическая наука, а затраты капитала или труда животных – не должна.

Отдельно отметим отношение наших авторов к истории экономической науки. Оба, следуя синтетическому подходу, относятся к ней с вниманием и уважением. Маршалл, владея французским и немецким языками, берет у своих предшественников все, что нужно, обрабатывает и излагает в измененном виде, иногда со ссылками (на Тюнена и Курно), иногда без них (на Дюпюи). Туган-Барановский и здесь ближе к немецкому стилю изложения. Он начинает каждую тему с изложения теоретической полемики, затем излагает свою позицию и снабжает главы учебника большими списками литературы (в основном немецкой и французской). Заметим, что английская литература встречается в них реже и, как правило, в русских переводах.

Сопоставим позиции Маршалла и Туган-Барановского относительно применения в экономической науке математического аппарата. Позицию Маршалла, который был, как известно, продвинутым математиком, можно назвать взвешенной и осмотрительной. К математике он относился как к подспорью в логических рассуждениях, которые затем следовало изложить на английском языке и сопоставить с практикой. Только если исследователь (а Маршалл описывает здесь свою собственную творческую лабораторию) проделал все эти стадии, он может опубликовать текст (отправив математику в примечания и приложения). Важное значение имеет предупреждение Маршалла об опасности применения математических выводов, которое побуждает экономистов искать не общественно значимые проблемы, а те, которые подходят под их математические инструменты [Pigou, 1925. P. 84].

Туган-Барановский, находясь под влиянием марксистской и австрийской экономической теории, видит в математике только иллюстрации теоретических положений в виде арифметических схем. Свою позицию он выражает так: «Я скорее являюсь противником так называемой математической школы, когда эта школа мечтает преобразовать политическую экономию при помощи математики» [Неизвестный М.И. Туган-Барановский, 2008. С. 126].

Теперь сравним применяемую нашими авторами в своих теориях модель человека. Отношение Маршалла к модели человека легко понять, если вспомнить про двойствен-

ность его методологии – ее разделение на эксплицитную и имплицитную. В методологических пассажах «Принципов» Маршалл призывает экономистов изучать живого человека из плоти и крови, а не абстрактного экономического человека [Маршалл, 2007. С. 79]. Но как только дело доходит до самой теории, то выясняется, что реальность можно существенно упростить, оставив для анализа только самые устойчивые и распространенные человеческие характеристики (это собственно и означает переход к анализу «экономического человека», но Маршалл, в отличие от Дж.С. Милля, не видит значительности этого шага). Таким устойчивым и распространенным мотивом для Маршалла является стремление получить денежную сумму. Жажда денег не исключает других мотивов (например, удовольствие от работы и инстинкт власти). Но большую часть действий, которые продиктованы чувством долга и любовью к ближнему, невозможно свести к закономерности и количественно измерить. Религиозные мотивы, как отмечает автор, сильнее экономических, но их непосредственное воздействие редко распространяется на столь обширную жизненную сферу. В нормальные побудительные мотивы человеческой деятельности Маршалл включает и альтруистические чувства. Но самым устойчивым стимулом к ведению хозяйственной деятельности служит желание получить за нее плату – определенное количество денег [Маршалл, 2007. С. 69]. В сочетании с предпосылкой постоянной предельной полезности денег (достаточно сильной и искусственной, что сознает сам автор) это положение играет в теории Маршалла ключевую роль и позволяет ему применять научные методы в экономической науке, например, измерять в деньгах потребительский излишек и делать отсюда выводы для экономической политики.

Аналогично мотивации решается Маршаллом вопрос и о рациональности поведения экономических субъектов. Здесь тоже наблюдается значительное разнообразие, но существует «*постепенный* переход от действий финансового дельца к действиям заурядных людей» [Маршалл, 2007. С. 48], пронизательностью не отличающихся. (Знаменитый маршалловский принцип непрерывности: *natura non facit saltum*). Идя навстречу требованиям реалистичности, Маршалл признает, что действие человека диктуется преимущественно привычкой, но тут же оговаривается, что в экономической сфере привычки наверняка возникли в процессе тщательного взвешивания выгод и потерь [Маршалл, 2007. С. 74] (возвращение к рациональной модели).

Туган-Барановский, будучи более искушенным методологом, казалось бы признает, что экономист в своей теории конструирует упрощенного человека, действующего в упрощенной социальной среде. Но упрощенный человек у него – не *homo oeconomicus*, а *bonus pater familias* [Туган-Барановский, 1998. С. 52] (без стремления обеспечить семью, не было бы накопления, а было бы безоглядное прожигание жизни). Посылку эгоизма он, соответственно, считает ложной. Привлекает внимание высказывание Тугана о том, что хозяйственная мотивация находится в соответствии с господствующим в обществе гражданским правом. Это означает, что автор говорит не о модели человека, а о реальном человеческом поведении. Подход Туган-Барановского здесь далек от маржиналистской модели рационального максимизатора, которая встречается у Маршалла в книге V его Принципов.

В отношении рациональности и информированности хозяйственного субъекта Туган-Барановский замечает, что деятельность человека находится в полном согласии с хозяйственным принципом и основывается на полном знании всех обстоятельств дела [Туган-Барановский, 1998. С. 53].

Методологические позиции Маршалла и Туган-Барановского ярко проявляются в их подходах к категории ценности (*value*) и ее соотношениях с реальными ценами. Реалист Маршалл, избегающий умозрительных понятий, ограничивается тем, что заявляет, что понятие «ценность» тесно связано с понятием «богатство», и здесь о нем мало что можно сказать. Речь у Маршалла идет о ценах, что позволяет ему быть более конкретным и полезным.

Туган-Барановский, следуя то марксистской, то австрийской традициям, напротив, создает разветвленную теорию ценности и стоимости (издержек) как двух разных категорий – первая («получка») определяется предельной полезностью, вторая («затрата») – трудом, потому что мы рассматриваем экономику с точки зрения человеческих существ (в данном случае, трудящихся) и учитываем только те затраты, которые имеют для них значение [Туган-Барановский, 1998. С. 60–86]. У Туган-Барановского стоимость – это результат того, что человек жертвует своими силами, своим благосостоянием и своим досугом. При этом он разделяет «абсолютную» трудовую стоимость (Kosten) – которые представляют собой издержки общественные, «с точки зрения человечества» (отсылка к А. Вагнеру), потому что труд каждого человека равноценен, и «относительную» (частнохозяйственную) стоимость, которая отражает все затраты предметов, обладающих ценностью. Абсолютная стоимость соответствует марксовской стоимости, а относительная – издержкам производства. Ценность и (абсолютную) стоимость Туган-Барановский увязывает следующим образом: предельные полезности свободно воспроизводимых продуктов обратно пропорциональны количеству продуктов, производимых в единицу времени (величине производства) – то есть прямо пропорциональны трудовой стоимости (издержкам производства) тех же продуктов. Доказательство, что любопытно, берется Туган-Барановским из второго закона Госсена применительно к количествам труда, затрачиваемым одним и тем же производителем на производимые им товары.

Количество производимых продуктов у Тугана находится в зависимости от трудовой стоимости их производства. (аналогично Маршалл соединяет в одну функцию предложение и издержки, только издержки не только трудовые – у Маршалла нет этического взгляда на производство).

Таким образом, Туган-Барановский в своем отношении к категории ценности более абстрактен и этичен, и менее практичен, чем Маршалл.

Подведем некоторые итоги: синтез Маршалла – теоретически-прикладной, теория у него непосредственно полезна. Важную роль играет принцип непрерывности – Маршалл имеет дело с приростами количеств, а не качественными изменениями. «Явления спазматические, нерегулярные и трудно наблюдаемые обычно откладываются для специального изучения на более поздней стадии» [Маршалл, 2007. С. 53]. Имеется в виду стадия, которую не охватывают учебники. В книге о принципах(основах) приходится часто использовать термин «равновесие», что предполагает некоторую аналогию со статикой. Конкретные частные учения о «специальных предметах» Маршалл помещает в другие книги (Промышленность и торговля, 1919).

Синтез Туган-Барановского – чисто теоретический – теория синтетична, но абстрактна, а непосредственно полезны конкретные частные учения, непосредственно не опирающиеся на теорию ценности/стоимости, такие, как например, теория циклов.

ЛИТЕРАТУРА

- Кейнс Дж.М. (2007). Альфред Маршалл, 1842–1924 // Маршалл А. Основы экономической науки. М.: ЭКСМО.
- Корейчук Б.В. (2008). Экономические воззрения М.И. Туган-Барановского. СПб.: Наука.
- Маршалл А. (2007). Основы экономической науки. М.: ЭКСМО.
- Неизвестный М.И. Туган-Барановский / Отв. ред. Л.Д. Широкоград, А.Л. Дмитриев (2008). СПб.: Нестор-История.
- Туган-Барановский М.И. (1998). Основы политической экономии. М.: РОССПЭН.
- Pigou A. C. (1925). Memorials of Alfred Marshall. L.: McMillan.
- Raffaelli T. (2003). Marshall's Evolutionary Economics. L., N.Y.:Routledge.
- Raffaelli T., Beccatini G., Dardi M. (ed.) (2006). The Elgar Companion to Alfred Marshall. Chward Eltenham, Northhampton: Edward Elgar.

Автономов Владимир Сергеевич

vavtonomov@hse.ru

Vladimir Avtonomov

Doctor habilitis in economics, Member RAS, professor of National Research University «Higher School of Economics»; Department head, the Institute of World Economy and International Relations. Primakov of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

vavtonomov@hse.ru

THE METHODOLOGY OF M.I. TUGAN-BARANOVSKY'S "FOUNDATIONS OF POLITICAL ECONOMY" IN COMPARISON WITH THE METHODOLOGY OF A. MARSHALL'S "PRINCIPLES"

Abstract. The article compares methodological approaches underlying two classical economic textbooks: Foundations of Political Economy by Tugan-Baranovsky and Principles of Economics by Marshall. Comparison of classical textbooks belonging to the same epoch of economic science (here the period immediately following the Marginal revolution) can help us to grasp the specificity of national styles of economic reasoning and theorising in different countries.

Key words: *Value theory, ethics, model of man in economics, M. Tugan-Baranovsky, A. Marshall, I. Kant.*

JEL classification: B13, B31, B41, D46.

REFERENCES

- Keynes J.M. (2007). Alfred Marshall, 1842–1924. V kn. Marshall A. Osnovy ekonomicheskoy nauki [Alfred Marshall, 1842–1924. In the book. Marshall A. Principles of Economics]. M.: EKSMO.
- Koreychuk B.V. (2008). Ekonomicheskiye vozzreniya M.I. Tugan-Baranovskogo [Economic Opinions M.I. Tugan-Baranovsky]. SPb: Nauka.
- Marshall A. (2007). Osnovy ekonomicheskoy nauki [Principles of Economics]. M.: EKSMO.
- Neizvestnyy M.I. Tugan-Baranovskiy [Unknown M.I. Tugan-Baranovsky] / L.D. Shirokorad, A.L. Dmitriyev (otv. red.) (2008). Neizvestnyy M.I. Tugan-Baranovskiy [Unknown M.I. Tugan-Baranovsky]. SPB.: Nestor-Istoriya.
- Pigou A.C. (1925). Memorials of Alfred Marshall. L.: McMillan.
- Raffaelli T. (2003). Marshall's Evolutionary Economics. L., N.Y.: Routledge.
- Raffaelli T., Beccatini G., Dardi M. (ed.) (2006). The Elgar Companion to Alfred Marshall. Chward Eltenham, Northampton: Edward Elgar.
- Tugan-Baranovskiy M.I. (1998). Osnovy politicheskoy ekonomii [Foundations of the Political Economy]. M.: ROSSPEN.